

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Е. В. АНДРИЕНКО заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- А. Д. КОРОЛЬ ректор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, профессор
- В. И. КРАСИКОВ главный научный сотрудник научного центра Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России, Москва), доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Е. Л. КУДРИНА ректор Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ
- О. Е. ЛЕБЕДЕВ доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Санкт-Петербург)
- Л. М. МОСОЛОВА профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ
- С. В. ПАЗУХИНА заведующая кафедрой психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, доктор психологических наук, доцент, Почетный работник воспитания и просвещения РФ, профессор РАО
- Л. И. УКОЛОВА профессор департамента музыкального искусства Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. И. ФИШМАН декан факультета экономики, управления и сервиса Самарского государственного социально-педагогического университета, главный научный сотрудник Самарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор
- Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук
- Н. Н. ЯРОШЕНКО проректор по научной и инновационной деятельности Московского государственного института культуры, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, доктор педагогических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, как председатель Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений приветствую участников шестой секции.

Я занимаюсь педагогикой с 26 лет. В свое время работал начальником подросткового лагеря, в общественных организациях, профессионально — в комитете комсомола.

Тридцать три года работы в качестве ректора СПбГУП — это большой социально-педагогический эксперимент. Причем чрезвычайно успешный, что выражается в разных показателях. В конце 1990-х годов Петербург выдвинул коллектив ученых нашего вуза на государственную премию за концепцию культуроцентристского образования. Тогда ректоры московских вузов сказали, что надо подождать лет двадцать и посмотреть, какие плоды она даст. Это время настало. Я получил премию Правительства РФ (2007) и две премии Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования.

Если рассказать о нашем успехе в цифрах, то конкурс в СПбГУП — самый высокий в Санкт-Петербурге, в два раза выше, чем в следующей за нами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, где он составляет 40 человек на место, а у нас 76. Выпускники СПбГУП последние 20 лет демонстрируют стопроцентное трудоустройство.

Мы были вынуждены создать культуроцентристскую концепцию образования, потому что в 1991 году, когда Советский Союз распался и меня назначили ректором, было непонятно, как воспитывать студентов. А делать это было необходимо, потому что образование с точки зрения классической педагогики еще со времен Древней Греции складывается из обучения и воспитания. Если нет воспитания, то нет и образования, есть только обучение. Но это неполноценная форма образования для людей, которые хотели бы получить диплом о высшем образовании. Государство же отказалось от воспитания, сведя образования к обучению, и от идеологии.

На мой взгляд, это чудовищная ошибка, потому что люди не могут жить без идеологии.

Зачем идеология нужна в педагогике? Она должна определять цели воспитания. В Советском Союзе накануне его распада в 1991 году, на мой взгляд, было не только лучшее в мире образование, но и лучшая педагогическая теория. Олег Ермолаевич Лебедев справедливо утверждает, что мы должны сверять свои позиции с педагогическими теориями других стран мира и анализировать их опыт. Была разработана концепция педагогической системы, которая включала субъекта и объект воспитания (субъект — тот, кто воспитывает, объект — тот, кого воспитывают; потом объект может стать субъектом самовоспитания), и определено все, что происходит между воспитуемым и воспитателем: цели, задачи, методы, формы воспитания, содержание воспитательного процесса, педагогические условия и т. д. Все это называется педагогической системой и работает только в одном случае — если является системой и имеет системообразующую цель — воспи-

тание. В случае если государство отказывается от цели, разрушается и педагогическая система.

Тридцать три года назад мы оказались в сложной ситуации: что делать, когда нет цели? До этого мы жили в условиях, когда цель существовала и предполагала воспитание гармонически развитой личности. К этому идеалу надо было стремиться. И коллектив педагогов помогал студентам в достижении этой цели.

Несколько лет мы работали над решением этой проблемы: провели исследование проблематики интеллигенции (пытались ответить на вопрос, кто такой интеллигент, раскрыть историю и сущность интеллигенции), дискутировали и искали идеал. Несмотря на то что государство не формулировало идеологию и не задавало цели, мы решили, что все равно будем заниматься воспитанием.

Что такое культуроцентристская концепция? Она определяется магистральным вектором развития культуры общества и позволяет эффективно совмещать обучение и воспитание. При этом воспитательный процесс осуществляется за счет приобщения студентов к лучшим образцам отечественной и мировой культуры, постоянных контактов с выдающимися личностями во всех областях знания. Культура в широком понимании — все, что создано руками и разумом человека за всю историю человечества. Позже появилось более 600 определений культуры. Но мы оттолкнулись от первого: мы должны воспитывать студентов, руководствуясь определяющим вектором развития культуры.

Главный вопрос, который приобретает остроту в процессе перехода от модернизма к постмодернизму: кто определяет магистральный вектор развития культуры, в соответствии с которым нужно строить воспитательный и образовательный процесс? Если власти этого не делают, то этим займемся мы — педагогический коллектив.

Когда было что обсуждать и нас обуревали сомнения, мы проводили заседания Ученого совета. Например, до того, как открыть первый в Санкт-Петербурге православный храм в вузе, велись жаркие споры, потому что в состав Ученого совета, кроме православных, входят мусульмане и последователи иудаизма, люди разных национальностей и разного вероисповедания. Мы открыли храм Русской православной церкви, а как быть представителям остальных религий? Как религия будет сочетаться со светским образованием? Тогда членом Ученого совета стал настоятель Николо-Богоявленского собора отец Богдан. А 24 мая, в День славянской письменности и культуры, который отмечается в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, мы освятили наш Университет.

Мы выстроили систему ценностей, которая определяет отношение студентов к жизни. Надо сказать, что сегодня мы оказались востребованы в рыночной системе. Перед нами стояла задача — сохранить все лучшее, что было в образовании при социализме, но адаптировать его к новым условиям. Так как жизнь изменилась, система образования не могла оставаться прежней. Мы уверенно вступили в XXI век и демонстрируем хорошие показатели, которые даются довольно тяжело.

На заседании секции будет обсуждаться интереснейшая тема. Желаю вам успехов!

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Название нашей секции «Российское образование на новом рубеже эпох» дает возможность говорить о разных явлениях: рубеж всегда новый, образование всегда в долгу, как и искусство. Накопилось много проблем, которые нужно обсудить. Прошу сегодня сосредоточиться на следующем аспекте — что российское образование может дать БРИКС. Сегодня это объединение — скорее идея, проект, в известной части мысленный. В такого рода союзах всегда встает вопрос об интеграции образования, сопоставлении, сравнении, обмене позитивным или негативным опытом. Негативный опыт не менее ценен, чем позитивный, потому что позволяет избежать ошибок.

В ходе ознакомления с докладами участников секции мое внимание привлек текст Николая Николаевича Ярошенко, проректора Московского государственного института культуры, в котором используется словосочетание «постболонский период». Это новое и очень точное выражение. Мы сейчас выходим из Болонского процесса, но при этом никогда в него не входили. Мы выхватили из этого процесса отдельные явления, в итоге нашей системе образования был нанесен большой урон. Из этого нужно сделать выводы тем, кто будет пытаться интегрировать системы образования БРИКС.

В российской системе образования существует много внутренних проблем, связанных с ее восстановлением в постболонский период, структурой, уровнем и методиками.

Мне пришлось вникнуть в проблему фондов оценочных средств, представляющих собой перечень контрольно-измерительных материалов, типовых заданий для практических занятий, контрольных работ, зачетов, экзаменов. С их помощью мы проверяем остаточные знания. Проблема в том, что система всегда работает на достижение фиксированного показателя — это минимум, остаточные знания. Поэтому она всегда будет выдавать минимум. И, может быть, это большая беда, чем Болонский процесс.

Как проверяются остаточные знания? С помощью тестов. Это знание узнавания. С такой задачей замечательно справляются обезьяны, которые различают круглое и квадратное. Министерство образования повсеместно внедряет тесты. А как проверить знания с помощью тестов, например, у хореографов, где знание — это исполнение танца?

Есть много вопросов, которые являются профессиональными, но они влияют на большой круг проблем, связанных со смыслами, целями и ценностями образования. Все их, конечно, не объять, но поговорить об этом нужно — это всегда дает результат.

Слово предоставляется Олегу Ермолаевичу Лебедеву — легендарной фигуре в области российского образования, члену-корреспонденту РАО.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Тема моего выступления — «Суверенитет системы общего образования в многополярном мире». Тезисно я хотел бы остановиться на

нескольких проблемах, которые, с моей точки зрения, касаются этой темы.

Суверенитет общего образования в многополярном мире в полном смысле невозможен, поскольку в таких условиях меняется структура содержания общего образования.

В ней можно выделить по крайней мере четыре компонента. Первый — глобальный компонент, те элементы содержания образования, которые неизбежно будут осваиваться во всех странах. Речь идет о том, что теорема Пифагора и в Африке теорема Пифагора. Есть общие знания, которые создают возможности для межкультурного взаимодействия в многополярном мире. Второй компонент — национальный, отражающий достижения национальной культуры и ее проблемы. Третий компонент — региональный, поскольку в каждом регионе есть свои особенности, достижения и проблемы. И само общее образование осуществляется в определенной образовательной среде, на которую влияют этнорегиональные особенности. Четвертый компонент общего образования, который сейчас отчетливо складывается, — личностный. С этой точки зрения у каждого может быть свое образование — личный опыт, возможности, которые приобретаются с образованием.

Вместе с тем, когда мы говорим об общем образовании, акцент, вероятно, надо сделать на том, что это не профессиональное образование, а то общее, что объединяет людей вокруг всеобщих ценностей. В этом заключается значимость образования, в том числе в многополярном мире.

В ситуации перехода к многополярному миру возникает вопрос: какое место национальная система образования занимает в многополярном мире? Когда мир был биполярным, ситуация была понятной. Система образования в социалистическом мире, в частности советская, — лучшая. Система образования в капиталистическом мире нам не подходит, и мы ничего не хотим о ней знать. А если что-то и хотим знать, то только для того, чтобы подчеркнуть достоинства собственной системы.

Сегодня, когда происходит переход к многополярному миру, вопрос о роли национальной системы рассматривается иначе и речь скорее идет о вкладе национальной системы в развитие общей системы многополярного мира. Если говорить о российской системе образования, то у нее есть основания для такого вклада. Обычно в этом случае мы говорим о достижениях в области физико-математического образования, сфере дополнительного образования и т. д.

В дальнейшем, если российская система захочет внести свой вклад в развитие системы образования в многополярном мире, возникают дискуссионные вопросы. Какие изменения в рамках национальной системы общего образования происходят в базовом процессе? Организационная форма базового процесса, которая складывалась во всем мире, — одна, предметно-классно-урочная система. И если рассматривать общие тенденции, то при сохранении предметно-классно-урочной системы мы постоянно наблюдаем попытки выйти за ее рамки. С этой точки зрения вклад может

определяться тем, как мы работаем над модернизацией этой системы.

Несколько слов о явлениях и процессах, которые происходят в национальной системе образования и, с моей точки зрения, тормозят процесс модернизации предметно-классно-урочной системы.

Если отталкиваться от элементов базового процесса, то первое негативное явление, которое мы можем наблюдать на практике, — мифологизация возможностей учебного предмета, которая находит выражение, в частности, в предложении включить в учебный план школы предмет «Семьеведение», переделать «Основы безопасности жизнедеятельности» в «Основы безопасности жизнедеятельности и защиты Родины», сделать ЕГЭ по математике обязательным для поступления во все вузы страны и пр. Предполагается, что если мы включим одни предметы или переделаем другие, то это сразу позволит решить сложные социальные и педагогические проблемы, улучшит демографическую ситуацию, повысит результативность патриотического воспитания и качество общего образования вообще.

Второе явление, которое, с моей точки зрения, тормозит идеи развития базового процесса, — это детализация содержания образования до уровня урока. В программе «Разговоров о важном» представлена почти поминутная детализация. Изменения в образовательных программах лишают всякого смысла составление учителями-предметниками рабочих программ, учитывающих особенности конкретной ситуации. Это явление выступает тормозом для развития перспективных тенденций.

Третье явление касается класса как ученического сообщества детей одного возраста. В таком перспективном направлении образовательного процесса, как индивидуальные проекты, которые предоставляют возможность для проявления индивидуализации и творчества, сделана попытка перевести их в занятия со всем классом вместо индивидуализации процесса.

Четвертое явление относится к общей характеристике самого процесса. Это сохранение объемных количественных показателей освоения содержания образования. Чем больше обязательных для усвоения тем и внеурочных мероприятий, тем лучше.

Эти явления могут стать предметом общественного обсуждения, в результате которого могут быть выявлены возможности для увеличения вклада российской системы образования в общую систему, которая будет формироваться в условиях многополярного мира.

М. В. СОЗИНОВА: — К микрофону приглашается профессор Екатерина Леонидовна Кудрина.

Е. Л. КУДРИНА: — Московский государственный институт культуры испытывает те же проблемы, которые мы сегодня обсуждаем на заседании нашей секции, причем применительно не только к сфере образования, но и в целом к системе глобального мира и нашего жизнеустройства. Сегодня уже говорили о том, что культура играет важную роль в этих процессах. Александр Сергеевич наметил этот путь, и впервые на

сегодняшнем мероприятии был задан ориентир культурного развития и образования.

Во многих передачах и документах, выступлениях наших лидеров рефреном проходит мысль «Культура — мягкая сила». Культура действительно является мягкой силой, посредством которой в сфере культуры (ее мировом и страновом развитии) и в области образования мы можем достичь позитивных решений, сформулировать предложения и направления деятельности, к которым стремятся страны БРИКС.

Обсуждая проблемы БРИКС как союза ряда стран, необходимо обратить внимание на то, что культура и образование в сфере культуры не должны оставаться в стороне.

Хотелось бы сказать несколько слов о переходе к постболонской системе, которая обозначена в целом ряде документов. Например, вузы, подведомственные Министерству культуры РФ (таковых в стране 51 из 600, то есть десятая часть всех вузов), с опаской смотрят на систему, которая начнет реализовываться с 1 сентября 2025 года. В запуске пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования по указу президента участвуют пять вузов, которые не имеют отношения к такой специфической области образования, как сфера культуры и искусства. Мы будем полагаться на педагогический вуз, который в этом эксперименте участвует.

В 2025 году вузы должны перейти на новые ФГОС, а мы до сих пор не знаем, какими они будут — по-прежнему двухуровневыми или сохранится специалитет для вузов культуры и искусств по целому ряду направлений. В настоящее время наш вуз готовит специалистов по 53 направлениям и более чем 100 профилям подготовки. Из них десятая часть — это специальности, профильные направления подготовки: актеры, режиссеры, хореографы, музыканты. Как им перестраивать систему, под которую их пытались подвести? В свое время мы сохранили специалитет для целого ряда направлений, потому что переход к Болонскому процессу после 2003 года был непростым. Также мы сохранили содержание и аспекты образования, которые считали наиболее важными. А сегодня снова нужно перестраивать эту систему.

Мы не изолированы от других вузов и встроены в общую систему, с одной стороны, российского образования, а с другой — мировой системы образования. В странах СНГ выпускники нашего вуза работают практически во всех организациях культуры и в большинстве организаций искусства.

Каким образом в рамках стран БРИКС сделать так, чтобы выпускники по-прежнему гордились нашим образованием, а абитуриенты хотели учиться в нашей стране? А российские выпускники могли бы работать в тех странах, где можно применить свои профильные знания и компетенции. Поэтому мы будем рады, если войдем в круг тех учреждений, которые займутся сопряжением национальных систем образования в БРИКС.

Важно, чтобы в такой организации, как БРИКС, уделялось внимание образованию в сфере культуры и искусства и о нас не забывали, несмотря на то, что

творческих вузов — всего 10 % от общего числа, чтобы мы не находились на задворках процесса, происходящего в высшем образовании.

Наша задача — вместе в рамках БРИКС и других организаций на международном пространстве не только обсуждать проблемы, но и находить позитивное их решение.

М. В. СОЗИНОВА: — Слово предоставляется профессору Льву Исааковичу Фишману.

Л. И. ФИШМАН: — Уважаемые коллеги, я полностью согласен с Григорием Михайловичем в том, что на самом деле Болонская система у нас даже не вводилась. Поэтому, когда мы ее критикуем, давайте сначала ответим на вопрос: это критика самой системы или того вида, какой она приобрела у нас? Нельзя перенимать форму и при этом отказаться от содержания. Что же произошло на самом деле? Высшее образование в России остается профессиональным образованием без реальных академических уровней, как предусматривает Болонская система. Это как получить степень доктора педагогических наук, не имея диплома, позволяющего преподавать в начальной школе (в некоторых странах такое возможно).

Наша система образования чрезвычайно экономически неэффективна. Обучение в педагогическом вузе продолжается как минимум четыре года, но по многим предметам можно стать дипломированным преподавателем и альтернативным способом: окончить бакалавриат по другой специальности, а затем за год получить профессиональную педагогическую подготовку. Довольно странная ситуация.

Академик Лихачев в свое время сказал, что знания раскрывают перед нами двери, но войти в них мы должны сами. То есть задача человека — научиться применять полученные знания для тех или иных целей. Неслучайно Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования у нас называются компетентностными. Умения и навыки можно называть по-разному — *hard skills*, *soft skills*, профессиональные или универсальные компетенции. Но я хочу обратить внимание на то, что чем дальше человек продвигается по карьерной лестнице, чем выше его место в социальной иерархии, тем важнее становятся его *soft skills* — общие компетенции, которые, помимо прочих, выполняют функцию ресурса для профессионального роста и развития.

За примером далеко ходить не надо. Все мы так или иначе знаем Александра Сергеевича Запесоцкого и можем оценить его талант коммуникации, навыки обработки информации и решения проблем.

Однако я не согласен с одним из его утверждений — о том, что качество образования поддается измерению по любому параметру. На мой взгляд, при оценке образования необходимо различать результат и эффект. Если человек совершает правонарушение, это может быть не результатом, а непредусмотренным эффектом образования. Но я также убежден, что мы организационно в состоянии обеспечить достижение только тех результатов, которые можем измерить. У нас

имеются компетентностные стандарты высшего образования, но мы не умеем оценивать, например, универсальные компетенции выпускника вуза.

Цели научного проекта, который мы выполняем в РАНХиГС, включают два этапа. Первый заключается в том, чтобы, опросив руководителей образовательных организаций — директоров школ и их заместителей, выяснить, какие конкретно универсальные компетенции требуются их работникам, то есть учителям, в трех областях — информация, коммуникация, решение проблемы. То есть сформировать профиль универсальных компетенций педагогов. Это уже сделано, и получены интересные результаты. Например, выпускникам учреждений среднего специального образования — педагогам начальной школы необходим более высокий уровень коммуникативной компетенции, чем выпускникам педагогического вуза. Это объясняется тем, что учителям младших классов приходится больше работать с родителями учеников. И директора это понимают.

На втором этапе мы пытаемся научиться измерять уровень сформированности этих компетенций у выпускников педагогических образовательных учреждений. Для этого мы, в частности, сделали обзор многочисленных зарубежных источников, в том числе стран БРИКС. Наиболее интересным нам представляется опыт Бразилии.

И мы сделали вывод, который противоречит практике, сложившейся в нашей высшей школе. Надо задать два ряда и построить матрицу. Один ряд — типичные профессиональные ситуации, в которых проявляются определенные компетенции специалиста; другой ряд — различные аспекты его деятельности. Например, человек находит информацию, перерабатывает ее, представляет — это аспекты его деятельности. На пересечении рядов матрицы получаются те ситуации с деятельностью, которые нужно оценивать.

В настоящее время мы переходим к экспериментальной части исследования. Будем в трех педагогических вузах разных регионов страны измерять и сопоставлять уровень сформированности этих универсальных компетенций будущих педагогов и их соответствие запросам работодателя.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Наша коллега и гениальный, на мой взгляд, ученый Галина Степановна Сухобская, доктор психологических наук, заинтересовалась вопросом, почему студентов педагогического вуза учат одинаково (скажем, в пределах группы), но потом все работают по-разному. И она выдвинула гипотезу, которая подтвердилась почти на 100 %: молодой специалист, как бы его ни учили, воспроизводит стиль работы педагога, у которого учился он сам. То есть повторяет подходы и практики своего учителя. Вывод: если он учился у талантливого педагога, то и сам будет работать успешно, а если ему в свое время не повезло, то можно посочувствовать и ему, и его ученикам.

А. Д. КОРОЛЬ: — С точки зрения философии образования мы здесь имеем дело с двумя фундаментальными фроммовскими категориями: быть или иметь;

субстанциональность как следствие атомистического мышления цивилизации западноевропейского типа или процессуальность, характерная для арабо-мусульманского и Дальнего Востока.

Л. И. ФИШМАН: — В высшем образовании мы должны в качестве результатов предъявить компетенции деятельности, а не сумму знаний, как это практически всегда происходит.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Центральная тема наших Чтений — БРИКС, но этот проект пока представляет собой отчасти некую идею и ожидания. Жизнь покажет, какие «родственные» отношения сложатся в рамках БРИКС. Но у нас есть Союзное государство России и Беларуси, и это реальность. Поэтому предлагаю послушать ректора Белорусского государственного университета Андрея Дмитриевича Короля.

А. Д. КОРОЛЬ: — Одна из тем моих исследований — монологичность в образовании как методическая проблема.

Сегодня человек в массе — это «человек одинаковый», потому что его уникальность закрыта. И он молчит, потому что ему нечего сказать своего, хотя мы живем в постоянном шуме, нарастающем не только от машин, но и от говорения. Но в этой цивилизации говорения человек не слышит другого, потому что плохо слышит самого себя. Например, знаменитые эксперименты американского социального психолога Филипа Зимбардо свидетельствуют о том, что в больших городах, там, где ритм жизни выше, а времени меньше, человек хуже слышит другого, и опять же по причине того, что он хуже слышит себя — он закрыт.

Человек видит мир с искажениями, потому что чем больше мы расширяем свое присутствие во внешнем мире, тем выше наши потребности. Реальность это и есть продолжение потребности — в этом сходятся психоаналитики, философы-когнитивисты и представители коммуникативной школы. Проблема слышимости и молчания действительно характеризует атомизацию общества и монологичность массового образования.

Монологичность массового образования, смыслы и цели которого ориентированы на передачу от источника-учителя, владеющего истиной, к реципиенту-ученику, представляющему собой подобие табула раса, это и есть ситуация монолога, когда ученик лишен возможности проявить свою субъектность на этапе постановки целей, рефлексии, созидания своего образовательного продукта и собственного содержания образования.

Олег Ермолаевич в своем выступлении сказал, что есть внешнее содержание образования, но мы стоим перед необходимостью формализовать его внутреннее содержание, а оно очень разное. Субъект-объектная передача информации от источника к реципиенту является следствием того, что ученик становится молчаливым, потому что своего сказать ему нечего, более того, он становится подражающим.

Между тем все дети разные, но они получают одну и ту же информацию и должны давать одинаковые от-

веты на вопросы. Таково свойство системы тестирования. В Беларуси это централизованное тестирование, в России — ЕГЭ, но суть одна. Конечно, при этом выполняется проверка когнитивных и психических функций и процессов: насколько человек способен усвоить то, что ему преподают, до какой степени он в состоянии это интериоризировать. Но его субъектность при этом сокрыта.

Монологичный характер образования приводит не только к расширению внешних потребностей человека и одинаковости, но и к тому, что устраняется «инаковость» как поле для диалога.

А что такое самопознание? Это возможность выйти за свои пределы, посмотреть на себя со стороны и понять, кем ты не являешься. Я не могу это сделать, если рядом со мной такой же ученик, который говорит то же самое, когда ему сообщают тот же объем информации.

Глубинная проблема заключается в том, что имеются два фундаментальных методологических взгляда на природу человека: личность — это чистый лист либо семя неизвестного растения. Что надо дать, а что вырастить? Действительно, кому-то надо дать знания — например, стандарты медицинского образования подразумевают именно усвоение информации, а проявление инаковости или творческой активности может быть опасным. Но в целом критическое мышление — одна из базовых компетенций XXI века, и ее надо воспитывать, равно как и умение сотрудничать. Эффективно работать на прогресс невозможно, если пользоваться только уже имеющейся информацией. Мы говорим «передавать опыт», но на самом деле передается информация, а опыт вырабатывается изнутри.

Таким образом, монологичность приводит к тому, что закрытый человек, будучи объектом, а не субъектом, становится причиной того, что появляется огромная проблема стереотипа, подражания другому человеку: ученик молчаливый, ученик подражающий. И поэтому постоянно увеличивается дистанция между человеком внешним и его визави — человеком внутренним, между общающимися людьми. То, что философы четко определяют как атомизацию, тоже заполняется симулякрами. Любая трансляция — это трансляция знака, а знак иллюзорен. Переход от трансляции к диалогичности, вовлечение ученика в субъект-субъектные отношения — вот что позволяет редуцировать количество иллюзий, шаблонов и соответственно проявить свое уникальное «я». Мне понравилась фраза, которую я однажды прочитал в социальных сетях: вы родились уникальным — не становитесь стандартным.

М. В. СОЗИНОВА: — К микрофону приглашается профессор Николай Николаевич Ярошенко.

Н. Н. ЯРОШЕНКО: — Дорогие друзья, когда-то мне довелось встретиться в ЮНЕСКО с одним из идеологов Болонского процесса. Он тогда говорил, что Болонскую систему необходимо внедрять таким образом, чтобы она не ломала национальных образовательных традиций. А вчера Ольга Юрьевна Васильева интеллигентно и тонко расставила акценты: переходя к пост-

болонской системе, мы должны исходить из наличия или отсутствия у нас определенных традиций в образовании и культуре. Мне же хочется взглянуть на этот вопрос с другого ракурса и рассмотреть не постболонскую перспективу (хотя это тоже интересно), а болонскую (или постболонскую) ретроспективу. Олег Ермолаевич сказал, что суверенитет в образовании невозможен. Но эта проблема не нова ни для России, ни для мира.

Прошлый год в России был объявлен Годом педагога и наставника, что было приурочено к 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. В связи с этим было написано много текстов о вкладе Ушинского в развитие русской педагогики, о его наследии. В 1960-х годах он написал знаменитую книгу «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» на материале, собранном в путешествиях по Франции, Германии, Великобритании, Америке и другим странам. Так вот, вся «педагогическая антропология» Ушинского строится на заимствованиях из западной педагогики, изобилует идеями немецких, английских, французских мыслителей, но нигде мы не увидим в этих томах западника. Изучая зарубежный опыт и пытаясь реализовать его в России, Константин Дмитриевич сделал акцент на народном образовании. Он отстаивал воспитание и обучение на русском языке, что было необычно, поскольку привилегированные сословия обучались на иностранных языках, и это было нормой. Ушинский говорил о том, что английская школа на российской почве не может дать хорошего результата. Но тогда мы должны признать его славянофилом? Тоже нет. И здесь возникает уникальная культурная ситуация, новый культурный контекст, в котором Ушинский предстает как русский европеец. Для середины XIX века это было необычно, ново — западноевропейские идеи переносились в русскую культуру, но, трансформируясь в ней, видоизменялись.

Русский философ Г. П. Федотов, находясь в Париже, примерно сто лет назад писал о том, что отношение к Европе у русских складывается по двум линиям. Первая линия — уподобление Европе, вторая — развитие культурной традиции Европы. Рассматривая эту ретроспективу, я вдруг обнаруживаю, что говорю о сегодняшнем дне. Мы прошли фазу заимствования европейской традиции и сегодня осознаем необходимость чего-то нового. Что это может быть — тот самый «русский европеизм»? Правда, я считаю, что это устаревший термин и надо найти другую формулировку, но он отражает ту мысль, которую я хочу высказать. Мы действительно не имеем суверенитета в образовании и не можем его достичь раз и навсегда. Мы находимся в процессе погружения, диалога с другими культурами, в процессе трансфузии культур. Поэтому можно сказать, что русский европеизм заключается в осмыслении сложного отношения русского человека к европейской культуре. Это отношение не сводится ни к тождеству, ни к противостоянию, а становится каким-то совершенно новым качеством и новым эффектом, возникающим в культуре.

Русская культура этим и отличается, что не может заимствовать и усвоить чужую традицию, но и отка-

заться от нее не может, а в результате быстро и непрерывно переключается с одной традиции на другую. Такое культурное заимствование и переключение происходит и в сфере образования — это большая тема для исследования, над которой мы, вероятно, будем работать.

Солидаризируюсь с Андреем Дмитриевичем по проблеме диалога, напомним о концепции потока Михая Чиксентмихайи: человек должен развиваться, встраиваясь в общий поток творческой деятельности. Желая всем нам, чтобы мощный поток педагогического творчества увлек нас за собой и привел к новым результатам, в которых мы раскроемся как русские европейцы, а может быть, как носители русско-европейской просвещенческой традиции.

А. Д. КОРОЛЬ: — Известно, что любая дидактическая система рождается в недрах философии. В классической русской философии конца XIX — начала XX века мы находим, в частности, темы соборности и общинности. Как Вы считаете, в сегодняшнем российском образовании эти принципы находят отражение на уровне стандартов и программ?

Н. Н. ЯРОШЕНКО: — По-моему, в современной образовательной парадигме эти ценностно-смысловые категории пока не отрефлексированы. Один из исследователей предлагает такие бинарные оппозиции, за которыми стоит контекст — натуроцентристская модель, антропоцентристская, социоцентристская или даже теоцентристская. Но пока на этом философском и методологическом уровне образование практически не рассматривается.

М. В. СОЗИНОВА: — К микрофону приглашается профессор Владимир Иванович Красиков.

В. И. КРАСИКОВ: — Сегодня мы, по сути, переживаем третью неолитическую революцию, если считать таковой глубокие и радикальные изменения в жизни человечества. Первая неолитическая революция состоялась, когда наш вид перешел к присваивающему типу хозяйствования, то есть возникла цивилизация. Второй революцией принято считать становление индустриального общества, произошедшее в XVIII–XIX веках. Изменения, представляющие собой третью неолитическую революцию, настолько глубоки, что впервые происходит трансформация самих основ нашей жизни.

О чем идет речь? Люди — крайне социализированные существа. В процессе нашего глобального общения всегда складывается то поле культуры, творческой деятельности, которое и создает феномен человека. Так вот, сейчас именно коммуникация претерпевает кардинальные перемены. Прежде всего меняются средства общения. В последние 30–35 лет сокращается объем книгоиздания, угасают библиотеки в их традиционном виде, исчезает за ненадобностью почта. Многие из присутствующих здесь коллег помнят то время, когда телефонный звонок в другой город, а тем более в другую страну требовал ряда действий, отнимавших

много времени. Теперь же мы можем мгновенно откуда угодно позвонить в любую точку мира.

Но еще более важный феномен наших дней — социальные сети, в которые перемещается вся современная политика и средства массовой информации. Все там. Мы можем в любое время соединиться с другими людьми, будь то пчеловоды, садоводы либо какие-то радикальные политические группы.

Не так давно я проводил исследование при поддержке Российского научного фонда — изучал присутствие в социальных сетях радикальных сообществ с политической повесткой. Оказалось, что там действует целый заповедник таких групп, которые в «прежней жизни» мы бы очень долго искали и не могли бы туда спокойно войти. Есть националисты, сторонники левой идеи и еще ряд самых разных радикальных групп на любой вкус. Мы можем присоединиться к ним, участвовать в общении, формировать их повестку дня и т. д.

Вчера Александр Сергеевич говорил о том, что есть такая журналистская теория: любая идея — либеральная, национальная, коммунистическая — сама по себе хороша и гуманна. Но, будучи извращенной, она становится радикальной теорией, которая сеет рознь и ненависть. И правда, группы радикалов, которые мы нашли в социальных сетях, настроены и действуют именно так.

Вывив их, мы провели социологическое исследование в филиалах Всероссийского государственного университета юстиции — пытались понять, до какой степени студенты осведомлены об этих группах и каково их воздействие. Оказалось, что студенты знают о таких структурах, но, в общем, безразличны к ним и их идеям. Дело в том, что молодые люди, как правило, живут в нормальных семьях, в сформированной гражданской культуре, что оказывает нейтрализующее влияние на их взгляды. При этом интересно, что после тридцати лет либеральной пропаганды они верят в демократию и права человека, но когда мы спросили о том, каким они видят будущее России, больше половины ответили, что поддерживают сторонников модели Евразийской империи, а некоторые даже хотели бы жить в новом СССР.

А. Д. КОРОЛЬ: — Агрессия и насилие являются оборотной стороной симулякров и возникают из-за утраты смыслов. Насколько мне известно, сегодня глобальные цифровые платформы, такие как Google, имеют некие заложенные в них алгоритмы, которые и ведут к радикализации взглядов. Эти стратегии укладываются в общую концепцию атомизации и расчеловечивания.

М. В. СОЗИНОВА: — Слово предоставляется профессору Елене Васильевне Андриенко.

Е. В. АНДРИЕНКО: — Уважаемые коллеги, я хотела бы вернуться к вопросу о БРИКС, потому что тема нашей конференции уникальна, как и то внимание, которое уделяет БРИКС мировая пресса и большинство гуманитарных наук — экономика, социология, политология, педагогика, этнология, этнография и т. д.

БРИКС — реально действующее объединение, хотя и созданное относительно недавно. Но почему оно вызывает такой огромный интерес? Почему публикуется столько научных статей? Причем исследования проводятся как в странах-участницах — Китае, Индии, России, так и в других — в Великобритании, США, Франции, Германии. Действительно экономический полюс продвигается на Восток, где впечатляющими темпами растет производство, сельское хозяйство, туризм, но Западная Европа не утратила своих позиции в сфере культуры и образования.

Страны, изначально вошедшие в БРИКС, — Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика. Они такие разные по своей ментальности, культуре, истории — что может быть общего между ними? Конечно, изначально образование БРИКС связано с мировыми политическими, экономическими, социально-психологическими проблемами. Но историки и философы все же видят общее между народами этих стран в их религиозной и философской ментальности, духовном складе, который проявляется в отношениях между людьми, в семейном воспитании, в существующей либо контекстной идеологии. В России сильны православные традиции, в Индии — индуизм, в Китае — конфуцианство, в Южно-Африканской Республике — убунту, в Бразилии — католицизм, но есть нечто объединяющее их и противопоставляющее Западу — отрицание абсолютизации индивидуализма, ориентация на общинность и социальную группу. Поэтому в данных странах очень значима общественная идентификация, и она входит в число их ценностей.

Ценностные основания деятельности человека наполняют смыслом и ее результаты, и процесс общения. В таком контексте интересно изучать философию этих стран и удивительный феномен: как быстро, оказывается, можно найти общий язык. Сегодня в Российской Федерации трудно выискать университет, где нет китайских студентов. Так, в Новосибирском государственном педагогическом университете около тысячи студентов — молодежь из Китая. Они приехали, чтобы учить русский язык и налаживать отношения с россиянами, прежде всего в бизнесе. Наши студенты тоже получают образование в университетах Китая и осваивают китайский язык.

В российских военных вузах молодые люди из стран БРИКС — Индии, Южной Африки — тоже получают образование. Моя коллега, обучающая их русскому языку в одном из военных университетов, рассказывает, что она использует разные методики для студентов из разных стран в соответствии с их менталитетом, в частности широко применяются популярные сегодня так называемые edutainment-технологии, в которых сочетаются образовательные методы, игровые приемы, использование произведений искусства. Студенты по-разному воспринимают, например, одни и те же кинофильмы. Я ее спросила: «Есть ли такой фильм, который нравится всем студентам?» Она ответила, что да, есть, и это советский фильм «В бой идут одни старики». Оказывается, это не просто замечательная картина, которую мы так любим, но и прекрасный

материал для обучения русскому языку, а его сюжет понятен каждому.

Хочу обратить ваше внимание на идею в современных публикациях исследователей образования, которая меня удивила: предлагается альтерзападная модель образования стран БРИКС. Что это значит и зачем нам альтернатива западной модели образования? У западной модели, как и у любого образования, есть и положительные, и отрицательные стороны. Исследователи говорят о том, что альтерзападная модель очень подходит именно для стран БРИКС, потому что в ее основе должны лежать три основных принципа: гуманизация, фундаментализация и экологизация. С фундаментализацией все понятно, это основа наук, с гуманизацией тоже — духовное развитие, нравственность, которые должны быть важнее и значимее, чем строгая рациональность. Но экологизация относится только к странам БРИКС. Страны БРИКС обладают уникальными природными ресурсами, которых нет ни в одной другой группе стран в мире. Возьмите Западную Европу с ее природными ресурсами и — Россию, Китай, Индию, Бразилию и Южно-Африканскую Республику. Это уникально. Но мы к этим природным ресурсам привыкли — ну, обладаем и обладаем, а та же Западная Европа и Соединенные Штаты очень высоко ценят природные ресурсы и понимают их значимость. Поэтому экологизация образования нужна именно как альтернативный вариант.

Конечно, в каждой стране образование имеет свои плюсы и минусы достижения и какие-то недостатки. У нас, например, бесконечное реформирование, и о Болонской системе говорили много раз. С другой стороны, Россия стоит на первом месте по образованности своих граждан — стопроцентный охват граждан образованием. Наша система дошкольного образования абсолютно уникальна. Огромное количество детских садов с прекрасными профессионалами и образовательными программами. Но молодые люди, когда эмигрируют в другие страны и отправляют там своих детей в детский сад, платят за это огромные деньги и тогда понимают, что такое российская система дошкольного образования. Но в то же время Китай сегодня на первом месте в мире по академической мобильности студентов и преподавателей — практически в любом университете мира мы найдем китайских студентов. И последнее, наши западные коллеги выяснили, что если тенденции мирового развития не изменятся, то к 2030 году в системе высшего образования 50 % всех студентов в мире будут из Индии и Китая, и только 25 % — из западных стран.

В любом случае перспективы БРИКС уникальны. Интеграция вполне возможна, удивительно только то, что наших западных коллег она иногда интересует больше, чем нас самих.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Основой развития общества являются своевременные изменения в структуре высшего образования, которая должна ориентироваться на потребности экономики и рынка труда. В 2000 году в общем выпуске специалистов с высшим образованием доля инженеров, то есть тех, кто, так ска-

зать, создает экономику, составляла 26 %, а по направлению «Науки об обществе» — 24 %, то есть структура выпуска равнозначная. А за 10 лет «Науки об обществе» стали превышать «Инженерное дело» в два раза. Это результат отраслевых изменений в подготовке специалистов, которые принесла Болонская система. И только сейчас ситуация с выпуском специалистов стала немного выравниваться. Набор в вузы на определенные направления — безошибочный индикатор спроса. «Науки об обществе» сокращаются гораздо сильнее, особенно триада «экономика–менеджмент–право». Мы уже продавались своей нефтью и газом и теперь обращаем внимание на подготовку инженеров, которые необходимы для нашей технологической суверенизации. И как видите, рост их численности за восемь лет довольно существенный, особенно в IT-сфере.

А. Д. КОРОЛЬ: — Если говорить об оценке деятеля культуры, выпускника творческого вуза, то какие могут быть количественные критерии?

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Допустим, выпускается инженер. На него есть спрос, он востребован. То есть рынком труда, каким-то работодателем он четко оценивается по диплому, сертификату, который получил, всем квалификациям. Ему назначают за это определенную зарплату. А кто будет оценивать скрипача и как? Он должен получить символическое признание. В социологии это называется символический капитал — вместо экономического, зарплата — кредит доверия, который в дальнейшем конвертируется в зарплату. Поэтому выпускники творческих вузов участвуют в различных конкурсах и т. д.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Заимствовав форму Болонской системы, мы не смогли выявить и развить ее возможности. Почему?

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Потому что мы ее только скопировали. У нас это не единственный пример, когда мы берем форму и думаем, что она нам даст результат, в то время как надо или наполнить эту форму чем-то, или создать и использовать свою.

А. Д. КОРОЛЬ: — В Средние века образцом был трактат Фомы Аквинского, как в живописи — «Троица» Андрея Рублева. Это принципиально разная перцепция, сигнальные системы мировосприятия. Оттуда к нам пришел роман как некая форма культуры текста, отражающая особенности уникального сознания и мышления. Возвращаясь к тому, что вы сказали: все, что может быть упаковано, расфасовано, унифицировано, продано и передано, служит хорошей матрицей управления. Это путь к агрессии и радикализму.

М. В. СОЗИНОВА: — Приглашаю к микрофону профессора Любовь Ивановну Уколову.

Л. И. УКОЛОВА: — Каждый выступающий здесь говорил о своих насущных проблемах, которые его

волнуют, но актуальны для всех. Я тоже хочу поговорить о проблеме, которая, на мой взгляд, очень важна. Прежде всего меня волнуют мои студенты, потому что я считаю, что мой предмет, моя специальность — это основа основ воспитания любого поколения, чтобы оно стало нормальным и здравомыслящим.

Я заведу кафедру музыкального искусства, где и бакалавриат, и магистратура направлены на академический вокал. Певческий дар — это дар Божий. Его нельзя развить настолько, чтобы вы стали солистами Мариинского или Большого театра. А эстраднему, джазовому и вообще вокалу можно научить любого — это искусство дыхания. Но кто-то пробьется, а кто-то нет. Пробиваются разными путями. Мне всегда очень неприятно, когда эти пути бывают неприглядными и аморальными.

Наши студенты иногда бывают недостаточно воспитанные. И я должна их воспитывать через музыку, ну и, конечно, через тексты, смысл песен. Исаковский, Матусовский, Дербенев, Добронравов, Шаферан — это далеко не все авторы текстов. Дунаевский, Соловьев-Седой, Колмановский, Пахмутова, Бабаджанян, Френкель, Фрадкин, Тухманов — композиторы. Но я буду не только их поддерживать и хвалить. Сегодня наши студенты, хоровые коллективы и вокалисты исполняют песни патриотической направленности, гимн нашей страны не через силу, не из-под палки — они пропускают их через себя. Хор, состоящий из 50, 60 и 100 человек. То есть наше современное искусство и то искусство, которое было когда-то, должно нас вдохновлять. А самое главное — это взаимодействие поколений, которое нас всех сплавливает.

М. В. СОЗИНОВА: — Слово предоставляется профессору Любви Михайловне Мосоловой.

Л. М. МОСОЛОВА: — Мне бы хотелось в нескольких тезисах отреагировать на те вопросы, которые поднимались на нашей конференции.

Во-первых, Григорий Михайлович Бирженюк отметил, что изменение социокультурной ситуации в мире рождает множество вопросов и проблем в образовании. Обо всем сказать нельзя, но мы должны стараться говорить как можно больше, потому что в дискуссиях мы многое узнаем друг от друга, учимся, и возникают новые идеи, которые можно развивать.

Во-вторых, Олег Ермолаевич Лебедев говорил о структуре содержания образования, которое должно присутствовать сегодня в обучении и воспитании: региональное, национальное и, самое главное, насколько я понимаю, универсальное. Сегодня универсального компонента не хватает. Студентам трудно ответить на вопрос, что такое современность, современная культура, общество, потому что мы даем знания по разным дисциплинам, не связанным друг с другом. Вот экономические процессы, вот — политические, вот процессы в искусстве и т. д. А системно-целостного взгляда на современность у нас нет. Что такое вербальное общество, наша система, миропорядок?

Меня очень смущают категории многополярного мира, я этого не понимаю, потому что у нас вообще два

полюса — Северный и Южный. Может быть, это метафора, но она какая-то странная. Мне кажется, это слово не слишком подходит для описания нового глобального общества на современном этапе. Очень важно уточнять категории, от них многое зависит. Одно дело, когда научные категории не соответствуют консенсусу научного сообщества, и совсем другое, когда метафора превращается в категорию. Так что, мне кажется, говоря о складывающемся сейчас глобальном обществе, мы должны разрабатывать строгий категориальный порядок в образовании и устанавливать общий диагноз. У нас знания на протяжении последнего столетия развиваются по пути дифференциации. На самом деле в рационалистической системе должно быть соотношение дифференциации и интеграции. Но что касается интеграции, то с этим у нас довольно сложно.

В-третьих, в дискуссии между сенатором Константином Федоровичем Затулиным и Марией Владимировной Захаровой был затронут очень важный вопрос: на чем нам нужно сосредоточиться — на развитии собственной страны, своих самых разных социокультурных системах или же заниматься другими обществами, в том числе БРИКС. Очень сложный вопрос. Мне кажется, конечно, мы многое не сделали в отношении России, которую сегодня назвали государством-цивилизацией. Если почитать историю нашей страны, особенно сформировавшуюся за последние 30 лет, это, в сущности, нормандская теория, которая не учитывает культурное наследие нашей огромной Евразии, простиравшейся от Дальнего Востока до Днепра. Есть ли, например, в школьных или вузовских учебниках информация о том, какой вклад внесла Белоруссия в евразийское культурное пространство? Или Кавказ? А что сделано для формирования современной евразийской цивилизации нашего общества, которое теперь государство-цивилизация? В учебниках, по которым учатся школьники и студенты, совершенно не представлено участие всех народов России в становлении государства-цивилизации и история России воссоздается по европейским лекалам. Конечно, в эпоху величия Европы Россия все, что могла, у нее взяла и творчески переработала, в России европейский компонент значителен и никогда не исчезнет. Но это не значит, что нужно отринуть все огромное евразийское наследие.

Мне показалась интересной идея нашего коллеги из Франции. Он проанализировал, какие были доминанты в Западной Европе и Евразии. Там со времен походов Александра Македонского был один огромный эллинистический мир, а потом Римская империя, кредо которой — «Мы рождены, чтобы править миром». И такая максима дошла до современности. А что касается евразийских народов, у них всегда было много империй, и они уважительно относились друг к другу, даже еще раньше, до империй — Андроновская культурно-историческая общность и более поздний скифо-сибирский мир. Там были разные народы, религии и многочисленные военные союзы от Алтая до Дуная. Далее, если вспомнить о походах гуннов, которые дошли до Италии, то там тоже с уважением относились к разным религиям. Позднее — Тюркский каганат и Золотая Орда. И наконец — Московское царство и Российская импе-

рия. Действительно, Российская империя унаследовала уважение к народным обычаям и разным религиям. Конечно, были и битвы, и конфликты.

Сейчас, например, в британской книге о Средней Азии первое, что описывается, это как царские войска вошли в Хиву и стали убивать жителей. При этом они не пишут, какие отношения были между Казанским, Кокандским, Хивинским, Хорезмским и прочими ханствами. Не анализируются настоящее и исторические процессы. Поэтому нам действительно надо все написать заново, и не просто событийную историю как историю — вы, культурологи и социологи, должны создать летопись Евразии, которая отразит глубокое взаимодействие в различных сферах, от брачных и семейных отношений до государственных, политические и культурные процессы. И культурология должна представлять собой не сумму наук о культуре, откуда и появляются 600 определений культуры, потому что дать определение пытается каждый исследователь, который изучает отдельную сферу культуры — язык, обычай или религию. Культурология не междисциплинарная наука, это дисциплина, которая поднимается над разными конкретными науками. Сегодня нужен именно такой взгляд на историю Евразии.

И последний тезис. Можно ли найти в вузовских учебниках, лекциях по истории или другим гуманитарным дисциплинам, что было в Эфиопии в Средние века, Южно-Африканской Республике в Новое время или в Индии в период, когда Россия вместе с Британией пытались осваивать южную параллель Евразийского континента? У нас нет общей мировой истории, а за мировую почти всегда выдавалась история Европы. Хотя, когда мы создавали первые программы по истории мировой художественной культуры и просто по мировой культуре, мы в них указывали все страны: и Юго-Восточной Азии, и Латинской Америки, и т. д. Но готовили культурологов так, что они не могли это преподавать, ведь это надо было осваивать, и не в суммативном, а в генерализованном смысле. Это огромная проблема современного образования.

Сегодня мы говорили о важности диалога в отношениях со странами БРИКС. Учение о диалоге в России прекрасно разработано. Есть замечательная книга петербуржца Моисея Самойловича Кагана с соавторами о том, что такое диалог, предполагающий эмпатию, равенство, уважение друг к другу и учет интересов друг друга. Как говорил Святослав Рерих, диалог — это красота компромисса. А для того, чтобы был диалог, нужно узнать друг друга. Андрей Дмитриевич Король сказал, что, когда матрица осваивается все большим числом людей, история ускоряется.

А. Д. КОРОЛЬ: — Отсутствие целостности картины — это, наверное, центральная проблема содержания образования. Дело в том, что девальвация знания, которая началась еще с незапамятных времен, когда в школе Пифагора было четыре дисциплины, а сегодня их, образно говоря, 44, имеет в своей основе вполне естественные причины, которые дробят целостную холистическую картину на составляющие частности — как после Большого взрыва начали образовываться но-

вые небесные тела, и их становилось больше и больше. Точно так же и сущности в гуманитарном знании. Но у китайцев хорошо сказано: все 10 тыс. вещей возвращаются к первооснове. Для того чтобы вернуться к первооснове, нужно затратить энергию, и не только финансовую или материальную. Где взять эту энергию? Это вопрос целостного взгляда, социологический вопрос: кому выгодно то, о чем вы говорите? У каждого заказчика будет свой взгляд на вещи. Эфиопия, к сожалению, не выступила заказчиком того, чтобы все знали о ее Средних веках.

М. В. СОЗИНОВА: — Приглашаем выступить профессора РАО Светлану Вячеславовну Пазухину.

С. В. ПАЗУХИНА: — Хочу тоже тезисно остановиться на самых основных моментах. Россия — многонациональная страна, на ее территории проживают почти 200 народов, у нас богатое историческое прошлое, замечательные традиции. И хочется, чтобы наша страна имела уникальную систему образования, которая опирается на свои корни и обогащается лучшими моментами, заимствованными у других стран. В этом отношении БРИКС, на мой взгляд, представляет очень хорошую площадку для обмена опытом, но в то же время с сохранением собственных традиций и специфики.

Сейчас происходит коренной перелом, и, на мой взгляд, хорошо, что мы находимся в такой точке, когда можем наметить новые перспективы и векторы для развития образования. Мы выполняем историческую миссию, когда пытаемся определить, какой путь выберем, как будет развиваться наша страна вообще и в составе различных сообществ. Говоря о том, как мы меняем образование, необходимо ответить на несколько классических для дидактики и теории обучения вопросов: кого, чему и как учить. Это базовые вопросы, на них не существует единственно верного ответа, но тем не менее хочу выразить к ним свое отношение как психолог.

Итак, кого учить? Сегодня мы говорим о том, что к нам приходят цифровые аборигены, поколение Z. Новое поколение будет Альфа — люди, которые с детства приучены к гаджетам и великолепно владеют ими. Сейчас у нас уникальная ситуация, когда молодое поколение опережает нас по степени владения особыми техническими средствами, гаджетами. В то же время исследования ученых, прежде всего психологов, показывают, что чрезмерная погруженность в мир Интернета и гаджетов приводит к определенным проблемам. В частности, изучая познавательные процессы, такие как внимание, память, мышление, воображение, речь, ученые приходят к выводу, что, к сожалению, их уровень ниже, чем у предыдущего поколения.

Мы совместно с белорусскими учеными проводили исследование и выявили, что есть определенные трудности по свойствам внимания. Далее изучали память. Раньше все критиковали традиционную советскую школу, говоря, что она неразвивающая. На самом деле ее называли школой памяти, и, на мой взгляд, она развивала память. А когда мы сейчас диагностируем память детей, то видим проблемы с разными ее вида-

ми. Затем мышление. Мы проводили собственные исследования разных типов мышления и благодаря этому были передовой страной в плане технологии качества образования — в середине XX века Россия занимала первое место по качеству образования в мире. Здесь сыграли роль те развивающие системы обучения, которые реализовывались в наших школах, например система развивающего обучения Эльконина–Давыдова. Это развитие теоретического мышления. Весь фундамент науки, когда мы говорим о развитии технологий, производства и тому подобного, прежде всего связан с теоретическим мышлением ученых. Когда мы стали изучать мышление 11-классников, то обнаружили, что уровень их теоретического, знакового и логического мышления чуть ниже, чем у предыдущего поколения. Но зато выше уровень образного и творческого мышления. И поэтому, когда мы отвечаем на вопрос, кого учить, то должны учитывать эти особенности.

Следующий момент связан еще с положением Л. С. Выготского, который зафиксировал закономерность, что чем выше уровень развития общества, тем длиннее период детства. Раньше период детства был совсем короткий, уже в пять-шесть лет детей приучали к труду и отдавали на производство. До революции в шесть лет ребенок уже работал в цеху, на заводе. А сейчас по новой периодизации Всемирной организации здравоохранения подростковый возраст продлен до 25 лет, а молодость до 45. Получается, что студенчество — это подростки. А у подростков другой ведущий вид деятельности — общение. Соответственно, когда мы будем переходить к вопросу о том, как обучать, то должны говорить об обучении, погруженном в общение, когда мы организуем совместную деятельность, работу в парах, командах, подгруппах и т. д.

Содержание обучения — сложный вопрос. Обычно им занимаются педагоги, специалисты предметных областей. Но с точки зрения психологии мы должны формировать у подрастающего поколения стержневую, базовую основу знаний. Если говорить о том, как обучать, нужно выделить несколько моментов. Первый: сформирована ли учебная деятельность, к примеру, у данного студента? Ведь все, что сегодня предлагается, например большая доля самостоятельной работы — порядка 200 часов по каждой дисциплине, основано, прежде всего, на сложившейся мотивации, умении учиться, сформированности универсальных учебных действий, способности контролировать себя, проводить рефлексию собственной работы. Исследования психологов показывают, что компоненты учебной деятельности отсутствуют даже в студенческом возрасте. Соответственно, сначала нужно их формировать или прорабатывать варианты самостоятельной работы. Второй очень важный момент. На мой взгляд, сейчас нужны авторитетные педагоги, которые действительно

пользуются уважением среди студентов и заинтересованы в их личностном развитии. Все-таки наша классическая позиция — это развитие целостной личности, а не набора функций или компетенций. И преподаватель должен быть интересным для студента, то есть современным, владеющим технологиями, умеющим убеждать, увлекать, преподносить материал так, чтобы информация превращалась в личностные знания. А для этого информация должна пройти несколько этапов осмысления, получить личностный смысл, прежде чем перерастет в знания.

И наконец, мы должны развивать все формы учебной активности, в том числе с использованием цифровых технологий. Например, в нашем вузе работает кибердружина. Это вариант самостоятельной работы студентов исторического факультета. Они отслеживают в Интернете противоправный контент и, соответственно, работают с ним дальше. Нужны технологии, выходящие за пределы вуза. Вуз сегодня рассматривается не только как образовательная, но и как культурная и просветительская площадка для всего региона, куда приходят деятели культуры. Сейчас практикуются лекции в музеях, лекции по типу перипатетики, когда мы идем на прогулку на свежем воздухе, обсуждаем, задаем вопросы и получаем ответы. Также возможны и другие технологии. То есть возможностей сейчас открывается много.

Отвечая на вопрос панельной дискуссии, как мы себя видим в отношениях с БРИКС, я бы как практикующий психолог обратилась к нашим традициям, менталитету, духу и архетипам, которые заложены в сказках. Кто в них главный герой? Иван, Емеля, Иван-царевич. Они добрые, всем помогают, не боятся трудностей, принимают вызовы. За счет чего они побеждают зло? Первое: они находят себе друзей. Вспомните, Иван-царевич щуку отпустил, медведю и зайцу помог, а они потом помогли ему. Второе — с помощью какого-то волшебного предмета. Где-то это скатерть-самобранка, где-то сапоги-скороходы, где-то волшебный друг Конек-Горбунок. Что это? А это некие новые технологии. Поэтому развитие новых волшебных технологий и дружба — это два момента, которые уже сейчас начали реализовываться. И я считаю, что за этим будущее, мы все делаем правильно.

А. Д. КОРОЛЬ: — На мой взгляд, у нас получилась междисциплинарная дискуссия и по форме, и по сути. В работе нашей секции участвовали представители очень разных направлений, которые сосредоточились на общих проблемах образования. На мой взгляд, это ценно и полезно в отношении содержания отечественного образования. Оно действительно очень нуждается в диалогичности.